Н. МАКСИМОВ

СТИХИ

С ПРЕДИСЛОВИЕМ
Б. ЭЙХЕНБАУМА

ЛЕНИНГРАД
1929

ОБЛОЖКА ХУДОЖНИКА
Г. П. Фитенгоф

Ленинградский Областлит № 32065. Тираж 500 экз.
Издание М. Максимова. Бесплатный экземпляр.
Типография Ленингр. Высш. Худож.-Технического Ин-та, Тучков пер. 1

ПРЕДИСЛОВИЕ

У многих юность начинается стихами, а кончается так называемой «прозой жизни». Стихи остаются памятником бывшей некогда юношеской восторженности и наивности их сочинителя.

Стихи покойного Николая Михайловича Максимова — памятник совсем другого рода. От нас ушел, несомненно, человек большого поэтического таланта и большой душевной одаренности. Его стихи — не просто личный документ интересный для немногих, а документ эпохи, по крайней мере литературной.

Самые ранние стихи Н. Максимова относятся к 1918 г., когда ему было всего 15 лет; последние—к 1927-му, к последнему году его жизни. Итак, перед нами—10 лет поэтической работы. И с первого стихотворения до последнего — это глубокая, серьезная и строгая работа над словом, с сознанием ответственности за каждую мысль, за каждый образ. Именно поэтому стихи Н. Максимова дошли до нас так поздно:

Надо долго ждать и пробовать
Силу первого пера,
Чтоб наверно знать, до гроба ли
Будет муза нам сестра.

Муза была верной сестрой поэта, но смерть сильнее музы.

24 января 1928 года Н. Максимов скончался — и тогда только мы услышали голос его музы. Между тем (я говорю

совершенно уверенно и без всякого преувеличения) представление наше о русской поэзии последних лет без стихотворений Н. Максимова—неполно. Этот человек, скромно и с увлечением преподававший в трудовой школе, был подлинным и очень интересным поэтом.

* *
*

Стихи Н. Максимова выросли, главным образом, на почве так называемого акмеизма. Его учителя—И. Анненский, Гумилев и Мандельштам. Но это вовсе не лишает их оригинальности и индивидуальной прелести — наоборот, оригинальность их именно в том, что они, развившись на почве совершенно определенной стиховой культуры, остались своеобразными и индивидуально-цельными. Связь их с определенной поэтической традицией свидетельствует только о том, что это было не просто развлечение на досуге, а действительно серьезная работа — с оглядкой на прошлое, с выбором образцов, с осознанием себя и своего дела. Недаром многие стихи Н. Максимова посвящены именно размышлениям об искусстве, о поэзии, о своем творчестве и своей поэтической судьбе. В обстановке нашего времени эти вопросы вставали, конечно, с особой остротой. Никогда не фальшивя и никогда не насилуя своего таланта, Н. Максимов отвечал на эти вопросы своеобразно, цельно и искренно.

Одна из основных тем его поэзии — осознание себя и своего дела среди событий нового века. По своим вкусам и интересам, по своей личной культуре, по связи своей именно с акмеизмом Н. Максимов—поэт, не расположенный к гражданским мотивам, к стихотворному репортажу. Он задумчив, философичен, иногда величав, иногда торжественен, иногда трогателен. Его вдохновляет искусство — особенно архитектура и балет, он остро чувствует природу, он много думает об истории и человеке, но все это — не в плане злободневности или публицистики. Он сам признается:

А небо дымное грозится мне,
И голый год взрывается гранатой,
И все грозой военною объято
В глухой и бедной нашей стороне.

Но говорить могу лишь о покое
И образы мои давно нашел:
Плодовый рай и ветреный футбол
И небо нежно-голубое.

Футбол здесь упомянут недаром (см. стихотворение «Футбол»). При всей задумчивости, серьезности, а иногда и болезненной трагичности (см. напр. стихотворение «Врач сказал» — одно из самых замечательных) стихи Н. Максимова никогда не упадочны, не бессильны; наоборот, — в них есть настоящая, органическая тяга к жизни, любовь к здоровью, к силе, доходящая иногда до ликования, до пафоса («И все-таки я радостный Адам»)—тем более сильного и принципиального, что, оглядываясь на себя и на свою личную судьбу, ему приходится признаться: «моя веселая прогулка по земным садам не удалась», или:

...не пришлось резвиться мне
На лугу широкого приволья
В человеческом веселом табуне.

Одно из наиболее характерных и глубоко трогательных признаний, явившееся плодом долгих и серьезных размышлений о современности, должно быть процитировано здесь целиком, потому что оно с поразительной ясностью дает нам ощутить душевную высоту и цельность этого человека. Такие слова и так их сказать могут очень немногие:

Ну что ж, хоть я ненужный и калека,
И безнадежно сонный и больной,
Но я доволен: над моей страной
Я слышал ветер праведного века.

И чувствовал, исполнен вдохновенья,
Тот новый мир, где солнце и тепло,
И для которого при мне росло
Здоровое, живое поколенье.

Это чувство истории, заставляющее поэта принять и благословить то, что могло бы менее пристальному, менее умудренному глазу показаться чуждым и враждебным, придает его стихам особенно возвышенный, особенно человеческий характер: «Веселый труд — повсюду слышать время».

Главное своеобразие поэзии Н. Максимова — в органическом сочетании глубокого интимного (часто—ночного) лиризма с таким же глубоким историческим, сверх-личным пафосом.

* *
*

Смерть часто торопится войти именно туда, где поселилась муза. Быть может это оттого так, что у нее с музами — тайный договор. И вот муза — не просто сестра, а сестра милосердия. И вот человек, становясь поэтом—диктует ей предсмертные, высокие и мудрые слова.

Б. Эйхенбаум.

11 апреля 1929 г.
Ленинград.

С Т И Х И

ЛУНА

Туманы. Облачная ризница
И блеск нарядов парчевых,
И ты, небесная капризница,
Луна, ты примеряешь их.

И хмуришься недоумелая,
И видно взять не можешь в толк,
Нарядней ли молочно-белая
Парча или зеленый шелк.

Но, утомясь игрой ненужною,
Решаешь: «Лучше быть простой»,
И утешаешься жемчужною,
Великолепной наготой.

1925 г.

ПРОБА ПЕРА

Надо долго ждать и пробовать
Силу первого пера,
Чтоб наверно знать, до гроба ли
Будет муза нам сестра.

Будет ли в твоих творениях
Буква каждая остра,
Словно ты писал на дереве
Верной сталью топора.

Иль как перышко пуховое
Улетит она легка
В небеса и в вечно-новые,
Перистые облака.

Не зови ж ее изменницей
И коварной не зови,
Раз она как небо пенное
Или сны твоей любви.

И не знаю я, до гроба ли
Будет муза мне сестра,
Но я долго-долго пробовал
Тайну первого пера.

1923 г.

РУСЬ

Я знаю: Русь еще лесная,
За далью полевых полос,
Уездная и волостная,
С узлами лиственных волос.

Здесь люди мудрые как звери,
Их мысли—сумеречный лес,
Языческая тьма поверий
И быта древнего навес.

И властны сон и навожденье,
Совиной тьмою веет Русь,
И завтрашнее пробужденье
Восславить я не тороплюсь.

И Русь моя еще лесная,
За далью полевых полос,
Уездная и волостная,
С узлами лиственных волос.

Осень 1926 г.

СВЕЧА ГАСНЕТ

Мне грустно, друг... Повсюду смерть.
Взгляни: мой огонек был ярок,
И вот лишь черненькая жердь
Поддерживает весь огарок.

Все счастье, видишь, сожжено,
И смерть—одна лишь остается,
Как вязко восковое дно
Зеленоржавого колодца.

Но перед тем как умереть,
Огонь скорбит о доле тленной,
И к меди ластится, но медь
Недосягаема, надменна.

Еще вздохнул... В последний раз
С последней мукой встрепенется...
О, страшный миг! Сейчас, сейчас
Он в бездне жадной захлебнется.

1920 г.

ФИНЛЯНДИЯ

Здесь всюду незнакомый зодчий
Дворцы гранитные простер,
И мир торжественный здесь жестче
Над гладью скованных озер.

Здесь лес—загадочный и вражий,
И сердце думает с тоской:
Что вечность?—Оползни овражьи,
Да вереск тонкий и сухой.

Здесь глубь стального горизонта
Тоской бессмертной зажжена,
И розовою Джиокондой
Застыла мудрая сосна.

А дальше снова тот же зодчий
Дворцы гранитные простер,
И мир торжественный все жестче
Над гладью скованных озер.

1921 г.

ПЕСНЬ БУДУЩЕГО

Будут глубже и глубже все вещи
В грудь земную вростать и вростать,
А тяжелые песни зловещей
Над землею сурово звучать.

Этим ритмам не будет предела,
А земному тверденью границ.
Станет камнем живущее тело,
Камнем маски застывшие лиц.

И тогда мудрецы и поэты
Воспоют не улыбки, мечты,
Только мощь отвердевшей планеты,
Только праздник стальной красоты.

1920 г.

Да, я поэт, но мой пчелиный труд
Ведь не оценят нынче, не поймут,
И за словесный, сладкий, вечный мед
Никто, никто мне руку не пожмет.

1918 г.

ИГРА

Игра... игра... бессмысленно и пусто,
Играя нами, эта жизнь пройдет:
То мучает, то звучное искусство
Нам в утешение дает.

И новые игрушечные души
Вдувая в наши грубые тела,
Звучанье музыки легко заглушит
Добра суровые колокола.

И оглушенные, как мы услышим
Хоть что-нибудь из шума бытия?
И опьяняясь звуковым гашишем,
Что знаем мы? Лишь сладость забытья.

Но пусть играют тени и обличья,
Пусть возбудительно они остры,
Нам не забыть о смерти, о величьи
Последней роковой игры.

1919 г.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Все это так банально,
Как сказочка Перро,
И в рощице печальной
Сияет серебро.

Она, как та царевна,
Уснет под гул угроз,
А этот ветер гневный —
Как фея — Карабос.

И над широким кленом,
Забыв свой красный плащ,
И с криком, и со стоном
Колдунья злая вскачь.

Пусть. Я то знаю мудрый
Банальный эпилог,
Что принц золотокудрый
Все оживляет в срок.

И вновь под знойной лаской
Растает серебро,
О, вечная развязка,
По сказочке Перро.

1922 г.

Целый мир с горами и морями,
С тесным строем золотых светил,
Все, что бережно хранила память,
Образ твой сегодня заслонил.

Как найду потерянные вещи,
Белый свет и синий небосвод?
Но любовь все ближе и зловещей,
Ничего она мне не вернет.

Январь 1927 г.

В ночном застывающем страхе,
В тумане томлений ночных,
Трехстопный простой амфибрахий
Мне ближе размеров других.

О, слушать упрямый, негибкий
Напев с ударсньями бед
И чуять: не будет ошибки
В моей неуклонной судьбе.

1925 г.

СТАРИННЫЙ ПЕЙЗАЖ

(Сонет)

Все вижу я коричневатый дом,
Такой уютный и такой старинный,
И серебристые вдали равнины,
И вязы, и дубы в саду глухом.

Так ясен день. И тишина кругом.
Здесь, верно, жизнь рассказ спокойный, длинный:
Рожденья, свадьбы, мирные кончины,
Гармония в грядущем и в былом.

Но чу! — Вдали разводят мост подъемный,
Вода под ним застыла ртутью темной,
На серой башне огонек зажжен.

И наползают сумерки, и тени
Уж подготавливают черный фон
Для самых жутких, диких преступлений.

1923 г.

КАЗАНСКИЙ СОБОР

Где тротуар за длинной цепью
И неожиданный простор,
И где зовет к великолепью
Огромный сумрачный собор,

Я столько раз стоял взволнован
Его спокойной простотой,
И вереницей дум окован —
Окаменелый и немой.

О, если б и мои творенья,
Созданья ветреной мечты,
Умел бы я слагать как звенья
И камни вечной красоты!

Апрель 1925 г.

САЛЬЕРИ

Я с каждым днем безмолвней и суровей,
Что-ж, есть во мне биенье жадной крови,
Но музыкой она не потечет.
И я таю в заученном размере—
(О, ремесло и головной расчет)
Глубокую трагедию Сальери.

1925 г.

Играют вечерние дымы,
Пылают костры на снегу,
Где ты, что была мной любима?
Я имя твое берегу.

И дни мои — пламень и дымы
Легки и со мной благодать:
Твое белоснежное имя
До смертных часов повторять.

1925 г.

Все мы дети. Что мы знаем?
Простодушно мы играем,
Коротаем жизнь свою
В нами созданном раю.

А потом когда напрасны
И веселье, и игра, —
Скажет смерть с улыбкой ясной:
«Успокоиться пора».

1923 г.

ЕКАТЕРИНГОФ

Старый парк Екатерины.
Липы, клены и дубы,
Точно пруд, заросший тиной,
Спят минувшие судьбы...

И не вспомнить без усилья
Все величье прежних дней...
Далеко уплыли крылья
Белоснежных лебедей.

И немного даже грустно:
Вместо пышных париков —
Парики кочней капустных
Возле вымоченных дров.

Да выкрикивают бодро
Папиросники: «Сафо»;
Нет, о прежнем, пышном, гордом
Здесь не вспомнить... ничего!

Только вечер величавый
Помнит прежние судьбы,
И как будто старой славой
Озаряются дубы.

1918 г.

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Мне грустно, друг. И не моя вина,
Что наши дни мне так докучны были,
Ах, я другие помню времена,
Которые уж вы забыли.

И я гляжу на белую луну,
В довольстве мирном навсегда изверясь,
Я вспоминаю страшную страну,
Где даль пустынна и тревожен вереск.

Грущу, томлюсь. И не моя вина,
Что мне одно средневековье мило,
И что его зловещая луна
На этом небе мертвенно застыла.

1923 г.

MA BOUGIE S'ÉTEINT

Je suis triste. Mon feu s'éteint.
Oh, la mort pour tous est cruelle.
Et la mèche alourdie soutient
Ce qui reste de ma chandelle.

Ce feu qui s'éteint si joyeux
Quelle détresse l'ennivre,
Il sait que le fond est pitieux
Du puits qui l'entoure de cuivre.

Il éspère encor tout tremblant,
Mais c'est à peine qu'il respire...
Oh, douleur, oh, mort! A l'instant
Il va se noyer dans la cire.

1919 г.

ЛОЦМАНСКИЙ ОСТРОВ

Поля закатные грустят,
Хрустальный алый взгляд.
Вдали подъемные краны
Недвижны и черны.

О, это магов черный рой,
Высоко над землей,
Забывшись в полусне,
В предлунной тишине.

Лишь волны гладкому песку
Чуть шепчут про тоску, —
Так зарывается больной
В подушку с головой.

Лишь ветви темные дерев,
Порою не стерпев
Хрустальный, ровный, алый взгляд,
Чуть-чуть зашелестят.

О, эту грусть не выпить им,
Все тоньше дальный дым.

1922 г.

Весь день мой исполнен заботы
И я оглушен ей, пока
Под вечер листочков блокнота
Моя не коснется рука.

И снова могущество мага,
И день свой огромный отдашь
За этот клочечек бумаги,
За этот живой карандаш.

1924 г.

Трагические древние герои,
Напыщенность—вот роковой удел,
И я с недоумением смотрел
В кинематографе «Паденье Трои».

Но темы я не знаю благодарней,
Чем эти, доблестью не хуже тех,
Но любящие семячки и смех,
Растрепанные, радостные парни.

1926 г.

НОЧНОЙ СТИХ

Я ночью и темный, и нищий,
И стих мой — пустая сума;
Но мир и достойней, и чище,
Когда в нем полночная тьма.

Хоть солнца и жаль ей немножко
Для нищей и темной души,
Лишь звездные черствые крошки
И воздух ночной хороши.

Смотрю я на голое небо,
На лунную рваную тьму,
И крошки всемирного хлеба
Мою наполняют суму.

1926 г.

С ВЫШКИ ИСААКИЕВСКОГО СОБОРА

Да, установлено: его черты
Академично серы и бездушны,
Но всетаки с орлиной высоты
Казался он куда как простодушней.

И в розоватом мягком полусне,
Среди туманных утренних пеленок,
Могучий город улыбнулся мне,
Как простодушно-ласковый ребенок.

И я хотел, но я не мог солгать,
Не чувствовал, что он мудрец надменный,
Что так гранитны эти берега,
Что много-много помнят эти стены.

Нет, основательно забыты здесь
Истории беспутства и злодейства,
И право же, не сумрачная спесь
Его дворцы и шпиль адмиралтейства.

И розовым величьем упоен,
Самих детей блаженней и капризней,
В тумане утреннем проснулся он,
Как бы для новой радости и жизни.

Весна 1925 г.

НА БЕРЕГУ ВЫТЕГРЫ

На фоне спокойствия серого
Понятны мне сосен кресты,
Как белые камни на севере
Раздумья мои просты.

Нет, сердце мое не поправится
И крест мой не будет светлей,
Но серое небо мне нравится,
Застывшее в муке своей

И в край, где спокойная Вытегра,
И даль углубленно-гола,
Сегодня пришел я, чтоб вытекла
Последняя слабость из глаз.

1926 г.

ВРАЧ СКАЗАЛ

Врач сказал, что он не мог предвидеть
Для моей болезни быстрый рост,
Но что в левом легком нежный выдох
Перешел уже в туберкулез.

И моей печалью углубленный,
Я сегодня лето не люблю,
Августовский воздух разряженный
Из глубоких далей я ловлю.

И уже в смертельном, легком танце
Листья желтые летят,
И уже болезненным румянцем
Покрывается мой сад.

И уже не трудно мне предвидеть
Увяданье этих крупных роз,
И уж август, словно нежный выдох,
Углубляется в туберкулез.

1926 г.

В БАРЕ

Как ветер, мысль моя крылата,
Стремительна, как водопад,
Когда веселый вентилятор
И музыка кругом шумят.

Мне больше ничего не надо,
Я слышу этот пьяный шум,
И легкомысленную радость,
Как шарф мой шелковый, ношу.

Закрыл глаза, и снова: фетры
За дымкой нежно-голубой,
И легкомысленные ветры,
И к миру беглая любовь.

Прости меня. Я не с тобою,
Не с музой — жадная, бог с ней, —
С табачной дымкой голубою
Я связан крепче и нежней.

И, словно ветер, мысль крылата
И вечный льется водопад,
И музыка, и вентилятор,
Как время легкое, шумят.

Октябрь 1926 г.

ЗАКОН

(1-ый вариант).

Хвала тебе, Закон, старик слепой!
Твоя рука в сияющих запястьях
Вознесена над миром и судьбой,
И мы в Твоей неколебимой власти.

Вокруг тебя — суровый, вечный храм:
Кадильницы планет, тобой заклятых,
И пламенных дыханий фимиам,
И кровь живых, мучительно распятых.

И в вышине — над гибелью живых —
Звучание насмешливого хора...
Горит рука в запястьях огневых
Стоящего над миром Дирижера.

Мы на Кресте спокойно примирились,
Мы поняли проклятий шутовство,
И мудрости жестокой поклонились,
И мы — Твои, слепое божество.

1918 г.

ПАВЛОВСК

В этом парке надо чтить обряд:
Поиграть старинною печалью,
Погрустить, любуясь темной далью,
Где туманы, дымы и закат.

Но чтоб мягче погрустили мы,
Эти воды мертвенно-покойны,
И круглятся плавные холмы,
И деревья встали цепью стройной.

И всегда веселый этот стих
Здесь печалям сладким не изменит,
В тихой думе на мосту оленей,
У прудов студено-неживых.

1921 г.

КРЕЗ

Проходит жизнь и мне не горько,
Что я богатства не нашел,
И в самой маленькой каморке
Просторно мне и хорошо.

И все свободнее теперь я
В мои спускаюсь тайники,
Где поэтические перлы
Моей любви, моей тоски.

Кровати жалкое железо
И небеленая стена,
И все-таки богаче Креза
Владелец творческого сна.

1924 г.

У ТЕАТРАЛЬНОГО ФОЙЭ

Огни и тени. Легкие перила
И переходов странные углы,
И призраки гуляющих проплыли,
И стынут неподвижные светила
В спиральных клубах синеватой мглы.

Назойливо-блистательные люстры,
И белый холод мраморных колонн,
И дальней музыки неверный звон,
Но мысли спутаны и слишком густо
Надышан воздух, ласковый как сон.

Закрыв глаза, я вижу снова залы,
Прилив огней и лестницы пролет,
За синей мглой блестят и дышат залы...
И сна уж нет, и чудным светом залит
Я чую вновь и толпы и тепло.

И пусть легко в сумбурных переходах
Запутаться, и мысль—как смутный сон,
И бесконечна лестница времен.
Но что мне время, и что сон и холод!
Я в синем дыме вовсе растворен.

1924 г.

М А Р Т

Только в марте и бывает
Смертная тоска,
И томят огни, трамваи,
Лужи, облака.

И опять о счастье глупый
Плакал человек,
И опять уныло хлюпал
Под ногами снег.

Март 1927 г.

Ночью долго мне не спится,
Память — душная темница,
И тяжелые тиски
Самой каменной тоски.

О несбыточной свободе
Я тоскую сам не свой,
И вода в водопроводе
Глухо плачет за стеной.

1926 г.

Я ДОЛГО БРЕЛ БЕЗ ЦЕЛИ

Я долго брел без думы и без цели
Среди осенней сумеречной мглы,
И лиловели тонкие стволы
В зеленовато-сером можжевеле.

И ветр, недавно певший еле-еле,
Уже слагал безумию хвалы,
И пенные бурунные валы
Зеленошерстные вдали ревели.

И вот я видел ясно каждый вал,
Звереющий, швыряя пеной шаткой
Над каменной квадратною площадкой,
Где я сонетом звонким измерял,

Как и во мне, и на море крепчали
Порывы дикой, яростной печали.

1923 г.

Когда я безумно устану
От вечных словесных трудов,
Когда сочинять я не стану
Назойливо-ярких стихов,

Когда до конца я истрачу
Запасы бенгальских огней, —
Я знаю, я тихо заплачу
О жизни нелепой моей.

И вспомню те ранние зори,
Когда я был радостно нов,
Они утонули в позоре
Надуманно-ярких стихов.

1925 г.

Они живут средь гладкого напева,
Их жизнь надменна и пуста...

А ты, поэт, мечтатель и повеса,
В «сегодня» видел лишь врага,
Гулял в веках и гущу их навеса,
Как ветви, мягко раздвигал.

И пусть надменны силы тяготенья,
И тихо катятся века,
Но за оградой первого стремленья
Даль осязательно близка.

И будет мир единой, стройной цели,
Благие, мертвые сады,
И для него в мечтах твоих созрели
Железных мускулов плоды.

И музыке торжественного слова,
И соловьям стальным внемли,
И полюби грядущий рай плодовый,
Созданье лучшее земли.

1925 г.

ПОЭТ

Ты не боец, и ты стоял в сторонке
От бурь и битв, и ты не знаешь сам,
За что тебе дается голос звонкий
И вдохновение приходит по ночам.

Ах, молодость и силы для того ли,
Чтобы лишь изредка, едва-едва,
От дикого вина гражданской воли
Твоя кружилась голова.

И вот опять чужой звериной сшибке,
Ты слышишь песни нежной старины,
Или губам твоим лишь по ошибке
Напевы звучные даны.

1924 г.

АЛХИМИК

В квадратной келье длительно и мерно,
Моя надежда, умирала ты
И меркла средь вечерней темноты,
Как этот луч над башенкой химерной.

А все-таки моя дрожит рука
Над колбами, над порошком растертым,
Неугомонные звенят реторты,
Как музыка волшебная, пока —

Не помутится бедное сознанье,
И с наступленьем завтрашнего дня
Мне не почудится, что все вокруг меня
Лишь золота чистейшее сиянье.

1923 г.

ПОД ОСЫПАЮЩЕЙСЯ ЧЕРЕМУХОЙ

Что ни звук — неудачи и промахи,
И не могут слова передать
Эти чары дурманной черемухи,
Этих белых смертей благодать.

Формы, запахи, звуки весенние,
Я назвать их, назвать лишь могу,
Ах, поверил я в глупом волнении
Бормотанью бессвязному губ.

«Но взгляни: эти дымно-молочные
Осыпаются мягко цветы,
И не сто̀ят такие непрочные,
Чтобы вечное выдумал ты.

Полюби же блестящие промахи,
И веселых смертей благодать,
И словами нарядней черемухи
Дни печали сумей засыпать».

1925 г.

И зачем мне нужно слово,
Право лучше спать,
Чем из воздуха ночного
Слово создавать.

И напрасен лунный зоркий
И пытливый взгляд,
Вещи спряталися в норки
И глубоко спят.

Тихо. Тихо. Только мышки
Путаются тут,
И одни слова—пустышки
По ночам живут.

1927 г.

БОЛОТО

Осенний ветер воет выпью,
Противны, мутны облака,
Я с воздухом болотным выпью
Тебя, вечерняя тоска.

Я сам спокойный и незрячий,
Как это ласковое дно,
И молодость в воде стоячей
Я утопил давным-давно.

И стала медленной и ржавой,
Шершавым воздухом дыша,
Поющей, безобразной жабой
Моя бескрылая душа.

А серый ветер стонет выпью,
И всё мутнеют облака,
Я с воздухом болотным выпью
Тебя, вечерняя тоска.

1926 г.

Не наша ведь забота и вина,
Не нами создано то время года,
Когда, на крестный путь осуждена,
Красой веселою блеснет природа.

И золото гнилое расцветет,
И мы поймем: не может быть иначе,
И мощный мир всю душу отдает
За краткий миг болезненной удачи.

Таков закон. Когда в осенней мгле
История, когда мертво и пусто, —
Всего нарядней и всего голей
Бесплодное, но дивное искусство.

1927 г.

ФУТБОЛ

Есть жизни, как игральные мячи,
Такие легкие, но есть иные,
Не смех, а смерть таят их роковые
Забавы — метеоры и смерчи.

Бывает в мире замкнуто и гладко
Как солнечная милая площадка,
И простодушно катится игра,
То снова беды мчатся через край.

И в вечном беге дышит вдохновенье,
И в самый черный, самый голый год
Я чувствовал: за вековой исход
Трагическое билось поколенье.

И думал я: «Как тягостен ваш труд,
Борцы за век, но завтрашнею сменой
О, нет, не вы, но юные спортсмэны
Уверенной походкою придут».

И вот сегодня труд мой не тяжел,
Веселый труд—повсюду слышать время,
И сознавать, что уж иное племя
Вот здесь играет в ветреный футбол.

Не коронован я молвой стоустной
И прохожу по миру налегке,
Я не с державным яблоком в руке,
Я с глупым мячиком искусства.

А небо дымное грозится мне,
И голый год взрывается гранатой,
И все грозой военною объято
В глухой и бедной нашей стороне.

Но говорить могу лишь о покое,
И образы мои давно нашел:
Плодовый рай и ветреный футбол
И небо нежно-голубое.

1924 г.

КРЕМОНСКИЙ СКРИПАЧ

Не музыка, — но почести и слава,
Они одни тревожили мой сон,
И я впитал их сладкую отраву,
И был я жадно в ремесло влюблен.
О тайна небывалого состава,
О яркий лак и самый твердый клен.

И вот зажег я солнце материала,
У дерева блестящего исторг
Звук полнотой и мощью небывалый,
И неожиданно душа узнала:
Есть в музыке сиянье и восторг!

1923 г.

Когда в ночной зловещей тишине
Я ветра слушаю напев старинный,
Воспоминания летят ко мне
И тянутся теснее цепью длинной.

И я могу свободно выбрать срок,
И повести обыкновенно-длинной
Найти срывающийся эпилог,
Как завершают слабые терцины.

1926 г.

Ну что-ж, хоть я ненужный и калека,
И безнадежно сонный и больной,
Но я доволен: над моей страной
Я слышал ветер праведного века.

И чувствовал, исполнен вдохновенья,
Тот новый мир, где солнце и тепло,
И для которого при мне росло
Здоровое, живое поколенье.

1926 г.

КИН

Нет, не нарядного Ромео
Вы видели перед собой
На фоне лунно-голубом,
От ужаса уже немея.

Не виртуозное блистанье,
Не позы умной красота,
Нет, настоящее страданье
С дрожащими углами рта.

С неповторяемой тоскою
Огромных подведенных глаз,
Со складкою на лбу такою,
Что в жизни может быть лишь раз.

И я когда-нибудь раздвину
Мою заученную роль
И буду я безумцем Кином,
Бесстыдно обнажая боль.

Не виртуозное блистанье,
Не позы умной красота,
Нет, настоящее страданье
С дрожащими углами рта,

С неповторяемой тоскою
Огромных подведенных глаз
И с песней сильною такою,
Что в жизни может быть лишь раз.

1926 г.

Не надо ни жалоб ни злости,
Мы бродим, поем на ветру,
Но мы неуместные гости
На вашем победном пиру.

С историей можно ль лукавить?
Обдумай и мудро пойми:
Ведь право же лучше оставить
Мечтателей за дверьми.

Нам—вьюга, блужданье и случай,
Вам—праздничный строй и вино,
Но музыку века подслушать
Нам всетаки было дано.

2 января 1927 г.

А всетаки сегодня мы устали
От этих слов, прекрасных как черты
На бронзовой аттической медали,
И холода высокой красоты.

И не были огнем души согреты
Чеканные канцоны и сонеты.

1925 г.

АДАМ

Конечно, я по виду с ним не схож,
Ведь не космат я и не смуглокож,
И женщины моей совсем не та
Искусно сделанная красота.

И я, любя лишь мой двадцатый век,
Держа в руках не ветвь, а легкий стэк,
Хожу гулять по каменным садам,—
И всетаки я радостный Адам.

1925 г.

ЧЕЛОВЕК

В ночи времен так долго шел он,
Первоначальный человек,
И челюстью своей тяжелой
Он перегрыз кремневый век.

Но вечный путь—его влеченье,
И ширилась его тропа,
От страха чудное леченье
Он в черепе своем черпал.

И стал он мощный и ученый—
Владыка моря и земли,
И впечатлений новых челны
Его свободнее влекли.

И в непрерывном водопаде
Впадали воды вещих рек
В просторы между узких впадин
И поднимающихся век.

И миру лучшее начало,
Познанье мощно расцвело,
И вдохновенно просияло
Большое, мудрое чело.

1925 г.

СТИХИ О БАЛЕТЕ

ГЕРДТ

В удаче радостной уверен
Неулыбающийся взгляд,
И танца милого обряд
Так величав и так размерен.

Пусть говорят о ледяном
Бездушии—неверно это,—
И подлинно—душа согрета
Искусства чудным холодком.

1924 г.

Ничего, что движенья заучены
И что туров мне тесно кольцо,
Но внезапнее солнца за тучами
Заиграли бровей излучины,
И лицо мое стало светло.

Улыбнулся, но вы не поняли,
Что я счастье и свет принес,
Что глазами, губами, ладонями
Создан солнечный апофеоз.

1923 г.

БАЛЕТ В ПРИРОДЕ

В белых туниках березки,
Под веселый ветра свист,
Четко делают заноски,
Ударяя лист о лист.

Ветер звучен как виоли,
Быстро ветка ветку бьет,
Ах, двойные кабриоли,
Замирающий полет.

А кругом—партер зеленый,
Рукоплещущий травой,
Льется щебет умиленный
С галлереи голубой.

1923 г.

ТАНЕЦ С ШАРФОМ

Прозрачна музыка. Рокочут арфы,
Плывут смычки и легкий, легкий стон
Ласкает слух. А я, играя шарфом,
В воздушном вихре снова вознесен.

Я тайной танца сладостно владею,
Я зарываюсь в мягкую спираль,
И мановением руки развею
Любую старую печаль.

И нет воздушней моего удела,
И шепчет дух мой телу: «Перестань
Себя считать лишь мускулистым телом,
Ты—музыкой колеблемая ткань».

1924 г.

КОРОЛЕВА ЛЕБЕДЕЙ

Знаем, что не чудо вдохновения,
А спокойный, царственный расчет—
Это лебединое кружение,
Этот замирающий полет.

Только нас совсем не заморозили,
Хоть и веют снегом чистоты
Ваших танцев в Лебедином Озере
Безупречно тонкие черты.

Даже мимолетной и нечаянной
Нет улыбки на лице немом,
Но восторгом пламенным венчаем мы
Лебедя с высоким холодком.

1924 г.

СОНЕТНЫЙ ЭКЗЕРСИС

Я так люблю вечерний тонкий дым,
И нескончаемый узор его полета,
Когда воздушная пьяней дремота,
А он, танцующий,—неутомим.

И словно декорация над ним
Закатная сияет позолота,
И дивно сочетанье переплета
Лиловых линий с фоном золотым.

И только мы, не улетая к ним,
За турами, которым нету счета,
Мечтательнее, пристальней следим,

Как и мечты, легко танцуя что-то
Старинное и легкое, как дым,
Нам создают иллюзию полета.

1924 г.

НЕУДАВШИЙСЯ ПОЛЕТ

Ну что-ж, улыбкой просиять
И я съумел, но мне труднее было
И делать верно туры, и взлетать,
И реять медленно и легкокрыло.

И потому, что я горел в огне
Неповторяемого вдохновенья,
Удача подлинная чудилася мне,
Но горько было отрезвленье.

И как среди невидимых тенет
Испуганное тело заметалось.
О, неудавшийся полет!
А грубая толпа смеялась.

1923 г.

СТИХИ ОБ ЭЛЛАДЕ

Тревожны мы. Нам прошлого не надо.
Воспоминаний бледны голоса.
Но до чего же нам покой Эллады
Напоминают эти небеса!

Родное море—голубое благо,
И ветер, ветер — пение стихов,
И медленная цепь Архипелага
Невозмутимо белых облаков.

1927 г.

Ты мне всего, всего милей,
О рае ты — воспоминанье,
Ты—радостное обещанье
Любви и мира на земле.

Мне счастья лучшего не надо,
Когда ты говоришь со мной,
А в голубых глазах покой
Возлюбленной моей Эллады.

1927 г.

Мой голос капризен и тонок,
Мой жребий позорно-нелеп,
И я только слабый ребенок
На пиршестве мощных судеб.

Я знаю, что век мой — великий,
Что он закалился в бою,
Но я только песню мурлыкал,
Негромкую песню мою.

Мне вашего знанья не надо:
Ведь скучно оно и мертво,
И детское счастье Эллады
Мне нравится больше всего.

1927 г.

Я говорю о счастье и покое,
О синем времени и дальней Трое
И об ее пологих берегах.
Прибой волны — и снова, как тогда,
Разумно, счастливо и мирно,
Мы любим жизнь и строим города
И мы железные пасем стада
На вольных пастбищах всемирных.

1926 г.

СТИХИ ОБ ИСКУССТВЕ

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Мы темные и буйные сыны
Той матери, чье имя современность,
А для нее—сомнительная ценность
И ваши выдумки и ваши сны,

И это кружево певучих строф—
Ненужные развеянные крохи
Нам чуждых песнотворческих пиров,
Наследие забытых мастеров,
Последний луч отверженной эпохи.

НОВЫЕ ПОЭТЫ

Мы упорные рабочие и поэты,
Из тяжелых камней строим поэмы,
Облекаем звезды и планеты
В эмпирические брони — системы.

Наши формулы о материи измеренной
Заплетаем мы утонченным неводом,
Погружаем все увереннней и увереннней
В океане отдаленном и неведомом.

1918 г.

Все говорят: искусство не игра,
Нам праздное волненье надоело,
И что теперь поэты? Мастера
Упрямые, с душой оледенелой.

Да, я люблю творенья мастеров,
Но думаю, что радости и муки
Соткут узоры самых лучших строф
И самые изысканные звуки.

И если только блеск и красота
Стихи мои, и нет в них искр горячих,
Я буду ждать, сурово сжав уста,
Биеньем сердца созданной удачи.

Коснися легкой кистью полотна,
Коснись резцом прекрасного металла,
И будет то, что пламенем металось,
Вдруг заморожено на времена.

Да, я люблю тот вестовой флажок
На улице, где бешеная скорость,
Взовьется он, — и не летят моторы
И буйства мерного не бьется ток.

И я познал: искусство — не любовь,
И не призыв, не жадное движенье,
И флаг его — лишь флаг успокоенья,
Что тормозит в кипучем сердце кровь.

ЗИМА ИСТОРИИ

Зима истории сурова,
Еще весны не пробил час
И тучность снежного покрова
Еще отягощает глаз.

О, как противны мне сугробы
Холодной косности и злобы!
Ведь я веселый, я сквозной,
Совсем как раннею весной
Зеленоватый пух лесной.

1922 г.

ПЕС

Тупыми жалкими глазами
Смотрю я нежно на тебя,
Твое могущество любя,
Мой страшный, мой большой хозяин.

Служу тебе, я—верный пес,
И пусть меня ты плетью трогал,
Но и до смертного порога
Я преданность мою донес.

1925 г.

Мне хочется опять,
Как в летний день веселый
Мед собирают пчелы,
Созвучья собирать.

Как улья — строфы, длинный
Однообразный ряд,
И губы жадные лишь говорят
Неугомонной музыкой пчелиной.

1925 г.

Я поэт, я дыма бесполезней,
Я нежней фиалок и мимоз,
Но неизлечимые болезни
Беспощадно мучают мой мозг.

А с какою тайною любовью
Я встречаю каждую весну,
И к чужому счастью и здоровью
Песнями ненужными тянусь.

1926 г.

ЗЕЛЕНЫЙ ЛУГ

Жизнь прошла и радостным я не был,
Но так ясно вспомнилось мне вдруг,
Простодушно-голубое небо
Да зеленый и широкий луг.

Помню шорох и травы и крови,
Я стоял у низкого плетня
И смотрел на мир, который внове
Открывался для меня.

Я еще ребенок, я счастливый,
Оттого-ль, что был пригожий день,
Оттого-ль, что развевались гривы
У веселых рыжих лошадей.

Что трава шумела, оттого-ли,
Но тогда почувствовал я вдруг:
Мир земной спокоен и приволен,
Как зеленый и широкий луг.

Жизнь прошла, и вот знакомый образ
Вновь растет в назойливом бреду,
Он зовет меня к тоске недоброй,
Он ведет меня на поводу.

Он противен мне. Не оттого-ли,
Что ведь не пришлось резвиться мне
На лугу широкого приволья,
В человеческом веселом табуне.

Январь 1927 г.

ГЕРОИ О. ГЕНРИ
(Милый жулик)

О, милые бродяги и торговцы,
Их выдумок неистощим родник,
А вы, степенные степные овцы,
Вы, несомненно, созданы для них.

Они не убивают и не грабят,
На слабых струнках простодушных ферм
Они неподражаемо играют,
И лучше арфы музыка афер.

Но разве есть снадобья или мази,
Чтоб стала милой муть таких проказ,
И чтобы в легкомысленных рассказах
Блеснула муза — подлинный алмаз.

1925 г.

В дали уходят за кругозор
Зданья из красного кирпича,
Медное небо, и тяжело
На сердце давит мертвенный взор
Догорающего луча.

Черные сараи, трубный рой,
Ветра бурного трепет,
И тяжело, тяжело
Даже воздух его
Тонкие прутья треплет.

Колокол где-то бьет.
О, не легко этим звукам замереть!
О, тяжело, тяжело,
И в сердце моем поет
Самая звонкая, самая суровая медь.

1922 г.

На стекле декабрьские розы,
За окошком вьюга ворожит,
Ледяная воля виртуоза—
Что-ж перо в руке моей дрожит?

Да, печаль моя неизлечима,
Говорю я с ночью и судьбой,
Самою нарядною личиной
Не прикрою больше стыд и боль.

Даже улыбаться стало нечем,
Растерял я молодость мою,
Ночь темна и голос человечий
В голом плаче ветра узнаю.

Но стихи по прежнему мне милы,
Я люблю их звуковой наряд,
Черным шелком ворожат чернила
И снега бумажные хрустят.

Я холодной волей виртуоза
Черной муки одолеть не мог,
И бегут рифмованные слезы
На ресницы шелковые строк.

1926 г.

СТАЛЬНОЕ СОЛНЦЕ

Твои слова медлительно-важны:
«Пусть уверяют, — нам то что за дело!
А солнце всетаки еще не потускнело,
О, солнце дивной, стройной старины!

И творчества оно еще достойно».
Но возразить тебе, мой друг, позволь.
И сквозь неумолкаемую боль
Наш век поет о солнечном и стройном,

И новая сурова красота,
Сияющая сталью темно-серой,
И вновь классической, неповторимой эры
Нам открываются огромные врата.

1925 г.

О нет, не буря вдохновенья,
А легковейный ветерок
Мне задает для повторенья
Давно заученный урок.

И каждый день, как бы впервые,
Я моря слышу голоса
И удивляюсь, голубые
Увидев снова небеса.

И грустью сладостно-бесцельной
Уж не волную никогда
Моей души простой и цельной,
Как солнце, воздух и вода.

1924—1925 г.

СПАРТАНЕЦ

Так беспомощно и неумело
Для чего то строфы создавать,
У которых неживое тело
И которых лучше забывать.

Только воля, жалость обнаружив,
Убеждает: «Этих не жалей.
Помнишь, были доблестные мужи,
Убивавшие своих детей».

И уже черты моих созданьиц
Постепенно забываю я,
Для тебя, мой будущий спартанец,
Стройный стих, достойный бытия.

1925 г.

ФИНЛЯНДСКИЙ ЛЕС

Здесь леса озлобленно и молча
Все свои богатства берегут,
Есть у них рубины ягод волчьих,
Есть у них зеленый изумруд.

Без стихов, озлобленно молчащий
Я брожу, но думы глубоки,
И ползут они угрюмой чащей
С ягодами зрелыми тоски.

1925 г.

ДАЛИ

Опять туман и серебра
Отливы, дым лилово-сизый,
И солнца пурпурные ризы,
Мечты, виденья и капризы,
Моя свободная игра.

1925 г.

ПОСЛЕДНЯЯ ЗАРЯ

В час вечерний в зрачки ледяные
Погружают суровый клад,
И ложится на плечи земные
Тяжелой парчей закат.

И стараются косные вещи
В грудь земную глубже вростать,
И бесстрастные сосны зловещей,
Торжественнее звучать.

Мертвым песням не будет предела,
Тверденью мира границ:
Станет камнем живое тело,
Камнем маски застывших лиц.

И тогда над мертвой землею,
Над грудью гранитного алтаря
Самой торжественной, самой тяжелой парчею
Последняя ляжет заря.

1919 г.

ИЗ ФИНСКИХ МОТИВОВ

Этот мир, как пахарь—злые корни,
Из сознанья тайной глубины
Выкорчевывает все упорней
Липкие и сладенькие сны.

Греза превращается из торта
В темный студень мертвенных озер,
Мысли в корни сосен, распростертых
Над скалою, выросших в простор.

Там, где путь залежанный, бесцельный,
Над овражьим берегом реки,—
Станет сердце чащей можжевельной
С ягодами горькими тоски.

Все величественнее молчанье,
И вставляют строгие мечты
В переплет сурового сознанья
Тонкую пластинку из слюды.

1919 г.

ВСЕМИРНАЯ ВЕСНА

Мечтал я о синей
Всемирной весне,
История стынет
В морозной броне.

И всетаки нежность
Мою берегу,
Что словно подснежник
На вашем снегу.

1922 г.

Ну и пусть я больной и непрочный,
И меня вы любить не могли,
Но мое поколенье источник
Молодого здоровья земли.

И я слышал мой век. Хоть немного
Говорило же время со мной,
И дышал я любовной тревогой,
Неизбежной вселенской весной.

1926 г.

СЧАСТЬЕ

Вечереют и не клонятся
Ив зеленых веера,
Тихо шепчут: успокоиться,
Успокоиться пора.

И плывут к закатной пристани
Золоченые ладьи —
Облака — за ними пристальней
Очарованный следи.

И любуйся: дымы алые
Вьются в дали голубой.
Разве счастье это малое:
Игры, воля да покой.

1925 г.

От людей не мог я получить
Ни любви, ни дружбы, ни участья,
Но порой меня чужого счастья
Согревали мощные лучи.

Над собой я ведал торжество,
И чужой любовью опаленный,
И чужим блаженством ослепленный,
Я не видел горя моего.

Февраль 1926 г.

ЗАКОН
(2-ой вариант).

Хвала тебе, Закон, Старик слепой!
Твоя жестокая рука подъята
Над всем, что было создано тобой
И в вечности затонет без возврата.

У ног твоих—теченье мерных дней,
Узоры звезд, в бесцельности зачатых,
Сияние бесчисленных огней,
И кровь живых, мучительно распятых.

А над позором мертвых и живых—
Звучание оркестра мирового,
Симфонии мучений огневых—
Для торжества Властителя слепого.

Мы на кресте спокойно примирились,
Мы поняли проклятий шутовство,
И мудрости жестокой поклонились,
Восславили слепое божество.

1919 г.

СОНЕТ

(Перевод из Эредиа)

Здесь храм разрушен был. О, жалкая могила
На диком берегу. И желтая полынь
Широким саваном уже давно покрыла
Героев бронзовых и мраморных богинь.

Лишь иногда пастух, вдали, тропой нагорной,
Огромных буйволов ведя на водопой,
В сияньи дня темнея тенью черной,
Поет о старине в лазури голубой.

Здесь, над обломками разбитой капители,
Где древняя земля верна своим богам,
Побеги свежие опять зазеленели —
Я здесь без горечи внимаю по ночам,

Как море шумное, в невозвратимых пенах,
Все безуспешнее рыдает о сиренах.

1927 г.

В ПАРКЕ

К морю, а, кажется, в вечность, аллея уходит,
Долго идешь, не устанешь, все легче идешь,
Только оглянешься вдруг—и в вечерней свободе,
Словно высокие ели, над парком замрешь.

Всюду царит тишина и величье,
Словно не парк и не сад, а таинственный скит,
Сердце вечернее тихо: не плачет, не кличет,
Сердце вечернее с шелестом трав говорит.

Темные пихты и строгие ели прямые,
В славе вечерней зари и святой тишины,
Тихо застыли недвижно,—как будто впервые
Славой закатных лучей вспоены.

Вот и вечернее море — сияет и манит...
О, как недвижно, и жадно, и сладко смотрю!
Словно впервые, впервые вливаю в сознанье
Легкие волны, и шум тростников, и зарю.

1927 г.

НЕПОДВИЖНОСТЬ

Странно-ль молчание лунного мрака,
День ли здоровый шумит под окном,
Я постояннее маниака
Думаю, думаю об одном.

Все понимал я в чужих мне спорах,
Только я к ним затаил вражду,
И—что мне тучи и книжный ворох,
Ах, одного, одного я жду.

О, неподвижное солнце рая!
Ворохи тучные теребя,
Истины книжные перебирая,
Много столетий я ждал тебя.

Ну, и пускай я тщедушный демон
В сером изношенном пиджаке,—
Ты улыбнулось мне, солнце Эдема,
И потрепало меня по щеке.

И я почувствовал то, что будет:
И успокоенные города,
И равновесье, и новые люди,
Счастье узнавшие навсегда.

Стройные юноши, мужи и жены,
Стройное счастье согретых пальмир!
Создал я, праздной мечтой обожженный,
Мой неподвижный, прекрасный мир.

1924 г.

ПРЯЛОЧКА

(Перевод из Леконт де Лиля)

О, прялочка, с катушкой белых нитей,
Вы мне ценнее злата с серебром,
Такие щедрые вы мне дарите
Мой вкусный хлеб и мой веселый дом.
О, прялочка, с катушкой белых нитей,
Вы мне ценнее злата с серебром.

О, прялочка, с катушкой белых нитей,
Едва на небе солнце зажжено,
Звените вы и шерстью тяжелите
До вечера мое веретено.
О, прялочка, с катушкой белых нитей,
Звените вы—чуть солнце зажжено.

О, прялочка, с катушкой белых нитей,
Ведь это вы соткете саван мой,
Когда согбенный старый паралитик
Я уготовлюсь в неземной покой.
О, прялочка, с катушкой белых нитей,
Ведь вы спрядете саван мой.

1925 г.

ЗАРЯ

Уж рассветала ночь. И с голубых небес
В бамбуки рослые и тростниковый лес,
Сквозь мох овлаженный и сквозь шафранник дикий,
Еще несмелая заря роняла блики.

И нежный аромат в лесу еще не глох,
В прозрачном воздухе дрожал глубокий вздох.
Уж птицы резвые, забывшие о сне,
Плескались стаями на утренней волне.

Заря бросала вдаль стрелой свою улыбку
Над берегом, где ветер просыпался зыбкий,
Уж плавала гора среди небесных риз
За склоном в зеленях, где созревал маис.

И дикий лес вдали и заросли бамбука
Рассветный ветерок, летящий с волн, баюкал,
И остров пеньем птиц рассеивал свой сон,
Ластясь к лучам зари, весь в пурпур облачен.

ТРАВА

Что-ж, и мне земля могла быть милой,
Я бы знал и мудрость, и любовь,
Если б только в этих слабых жилах
Не текла болезненная кровь.

Все-таки я безутешен не был,
И когда лежал я на траве
И смотрел на голубое небо,
Верил я, что буду здоровей.

И больною кровью не тревожим,
Буду я зеленой густотой,
Буду я широким шумным ложем
Для любви здоровой и простой.

И средь изумрудовых блистаний
Хорошо: ни муки, ни отрав,
И тогда моею кровью станет
Сок густой благоуханных трав.

Февраль 1927 г.

В ВАШЕМ МИРЕ

В вашем мире не нашел я места,
Да и что я! выдумка и дым;
Все же воздуха густое тесто
Ведь замешано дыханьем и моим.

Как о локоть и плечо прохожего,
О чужое счастье терся я,
Чувствуя, что я замешан тоже
В густоту земного бытия.

И хотя я выдумка и нежить,
И уйти, растаять — мой удел,
Этот воздух целовать и нежить,
Как никто на свете, я умел.

Ноябрь 1926 г.

Года, что шумели тревогой,
Замолкли с последним раскатом,
И можно спокойно и строго
Задуматься в час пред закатом,
Чуть-чуть с затаенной тревогой.

А в далях как будто осталось
Все то же: холмы и долины,
Закатная нежная алость,
Да облачный лет лебединый
И к миру покорная жалость.

И думы всё так же спокойно
Мне шепчут о доле свободной,
О чем то далеком и стройном,
И полузабытом сегодня,
И гаснут все так же спокойно.

1924 г.

В ТАБАЧНОМ ДЫМЕ

О, люди люди! Я тянулся к ним
Спиралью дум, одушевленным дымом,
А люди чуяли порочный дым
И равнодушно проходили мимо.

И с равнодушными была и ты,
За нежно-синей театральной дымкой,
Не разглядевшая мои черты,
И я остался в мире невидимкой.

Я весь ушел в накуренный шалаш,
Я там живу и вею синей шалью,
Я никому на свете не мешаю,
Целуя набожно любовный воздух ваш.

Самыми простыми словами
Я говорил Вам, что боле
Нет мне покоя, что Вами
Я брежу до слез и до боли...

И я плакал о новой утрате,
Чтобы слезы моей печали
Украшали мой стих небогатый
И алмазнее заблистали.

И самыми простыми словами
Он украшен, он в ореоле,
И я не жалею, что Вами
Я брежу до слез и до боли.

1925 г.

ТЫ МНИШЬ

Ты мнишь, что я—отравленный отравой
Развенчанной, ненужной красоты,
Но думаю, что я имею право
Хоть радоваться, что доволен ты.

Самоуверенный, ты твердо знаешь
Все то, чего не понимаю я,
И ты без колебаний разрешаешь
Все древние загадки бытия.

Ах, твой удел — и мудрость, и геройство,
Мой нежный друг и мой суровый враг,
Но праздность, это—злое свойство
Таких, как я: безумцев и гуляк.

1922 г.

Никогда трагическим я не был,
В мир я вышел просто погулять,
Оттого и нравилась мне неба
Голубая солнечная гладь.

Оттого и нравились мне дети,
Что играют, пляшут и поют,
И дороже им всего на свете
Ветреная музыка минут.

И зачем понадобилось року,
Чтоб меж вас бродил я сам не свой,
Чтоб к людскому горю и пороку
Я тянулся песнею святой,

Чтобы сердце стало болью гулкой,
И теряло с вашим миром связь,
Чтоб моя веселая прогулка
По земным садам не удалась.

Январь 1927 г.

СТАЛЬНОЙ РЕНЕССАНС

Нам засверкало сталью серой
Второй Эллады красота,
И классицизма новой эры
Открылись грузные врата.

Стальной мечты, железных грез мост
Мы над землею вознесем,
И к мертвой груди мертвый космос
В последнем торжестве прижмем.

1918 г.

И скоро ясно будет всем,
Что этот город многостенный—
Обетованный наш Эдем,
Что тайны райские—антенны.

И первобытная заря
Над рощей каменной займется
И наслажденьям дикаря
Улыбкой нежной улыбнется.

1920 г.

Да, я уже теряю связь
С моею милою землею,
Я, может, лучшего и стою,
Но жизнь моя не удалась.

Ну что-ж! Я беглый, я случайный,
И ничего, что я умру,
А солнце теми же лучами
Затеет легкую игру.

И я могу сюда вернуться,
Быть может даже и светлей
Земному счастью улыбнуться
И песнь свою сложить теплей.

Ведь я свободен, я ничей,
Мое сегодня—зло и зыбко,
И сам я создан, как улыбка,
Из вешних солнечных лучей.

1926 г.

СМЕРТЬ

На Сенной пустынной и странной
Высятся остовы мастодонтов:
Люди с них брали железную шкуру
И ломали, кромсали их мясо.
А на Обводном канале—
Все глубже и глубже в зловонную и мутную воду
Погружаются гниющие баржи
И черные торчащие доски,
Словно ребра обглоданных разрухой чудовищ.

Проходя по обезлюженным улицам,
Я знаю только одну страшную мысль:
Я знаю, что в темные волны,
Все глубже и глубже,
Как гниющие баржи на Обводном канале,
Погрузятся и наши сознания.

1920 г.

ПО УЛИЦАМ

Хорошо бродить в городском бездорожье,
Когда каплей прозрачной повисает вечер,
И хрусталятся тонко лица прохожих,
И незабвенны случайные встречи.

Вечерние взгляды водоемно-глубинны,
Я черпаю и черпаю, и жадно пью их,
И в каждом зрачке хранятся турбины,
Проливающие сладостные струи.

И кто поймет, что бессмертье таится
В таких простых и незатейных минутах,
В тихих улыбках, в озаренных лицах,
В тростниковом шорохе ресниц всколыхнутых.

Хорошо бродить в городском бездорожье,
Когда каплей прозрачной нависает вечер,
И хрусталятся тонко лица прохожих,
И незабвенны случайные встречи.

1919 г.

СМЕРТЬ ЗЕМЛИ

Когда
Вся земля покроется белым саваном,
И тихо
Застынет в величавом и вечном сне,
И кто то,
Весь в белом,
Сурово преклонит колени,
И тихо
Осветит неизбежный завет миров, —
Может быть
На какой то далекой планете
Цветущей,
Дыханьем нежно вспоенной,
Смеясь заиграют веселые дети
В весенних душистых садах.

1919 г.

ЖЕЛЕЗНЫЙ КОСМОС

Мы влюблены в железный космос,
В суровые и жесткие слова,
Нам дорог звук тяжелый и громоздкий
Сверлящего упорно бурава.

В ритмичности, как вечность монотонной,
Рабочих дней проходит череда,
И высятся из камня и бетона
Построенные нами города.

Вонзенные в развернутую пасть их
Стальные ветви густо сплетены,
И руки мачт, зажатые в запястьях,
В далекие просторы взнесены.

Из года в год, грузны и непроворны,
Звенят тяжелые чугунные шаги,
И сладостен поэту звук упорный
О камни ударяемой кирки.

И все, что слышим в отзвуках мгновений,
В размеренном и четком стуке лет,
Вновь повторится в мировом движеньи
И в ритмике несущихся планет.

1918 г.

ЖЕЛЕЗНАЯ ПЕСНЬ

Мы — одна стальная рука, подъятая в долгой борьбе,
Мы — единый мускул, напряженный в железном
усилии,
Мы — одна мировая душа, грозовая победная,
Зажженная огнем Гераклита.

Мы растворились в плавильном море
И в мерном вращении тяжелых машинных
колес;
Закаленные в бойнях и мощные, как рычаг
Архимеда,
Мы пришли зажигать мятежи на планете
владык.

Мы клянемся на стали Закона: мы будем Мессией,
Мы избавим нашу планету от стонов и мук,
Мы воздвигнем новый огромный и спаянный космос
На обломках авторитарных культур.

1918 г.

В РАСЦВЕТАЮЩЕМ ПАРКЕ

В расцветающем парке огромного города
Играли веселые дети,
Встречали весенний день.
От плеча до плеча, от лица до лица струились
Незримые токи,
Как свеча от свечи, зажигались улыбки,
И было от каждого взгляда светлей.
И один сказал: «Мы будем сегодня
Играть в отдаленную эру —
В грозовый двадцатый век».

И все согласились, и голоса зазвенели,
И ринулись толпами в ярые «бойни»,
Под радостный смех.
В расцветающем парке раздавались призывы,
Что некогда громыхали жестоко как ядра,
На планете царей.
Но нежданно игра прекратилась
И раздались уже неподдельно-тревожные крики,
Потому, что один из вождей
«Угнетателей рабьей планеты»
С высокого холма упал на цветочную клумбу.

1918 г.

LA NATURE

(Перевод из О. Мандельштама)

Elle est pareille à Rome. Et nous voyons encor
Les reflets magnifiques des majestés romaines
En contemplant le ciel, ce cirque bleu et d'or,
Les forums des champs et le portail des chênes.

Elle est pareille à Rome. L'heure sonne ici-bas
De ne plus troubler dieu par nos plaintes amères.
Voilà les entrailles pour prédire un trépas,
Les serfs pour se soumettre et pour créer—les pierres.

SONNET

(Перевод из Н. Гумилева)

Que de fois je songeais au luxe et aux victoires
Des villes antiques, Babel, Tyr, Sidon,
Aux trésors de Crésus et au roi Salomon,
Aux palais magnifiques et aux trônes d'ivoire.

Et je vous plains, seigneurs.—Hélas! de votre gloire
Je n'entendrai jamais chanter un doux clairon,
De votre luxe, o rois, que nous reste-t-il? Vos noms,
Auxquels s'accroche en vain notre pauvre mémoire.

Pour le pouvoir royal le temps était cruel,
Mais il nous reste encor un autre, l'immortel!
Et j'aime à contempler la majesté de l'aube,

Qui se lève toujours pour briller et couvrir
Les cieux resplendissants de sa royale robe,
Plus magnifique aux yeux que le pourpre de Tyr.

СОДЕРЖАНИЕ